

Прежде чем войти, Шэнь Ухо протянул правую руку и крепко зажал всё ещё сочащееся кровью левое плечо. Он постоял под дождём ещё немного, убедился, что кровь больше не капает на порог храма, и только тогда вошёл, после чего задвинул засов.

Ветер снова остался за дверью, но дождь всё ещё капал.

Шэнь Чи уже наполовину промок от воды, просачивавшейся сквозь дырявую крышу, но он даже не шелохнулся, только затаил дыхание в темноте, ожидая следующего действия Шэнь Ухо.

Спустя время, за которое сгорает одна ароматическая палочка, он вдруг услышал звук падения тяжёлого предмета — Шэнь Ухо потерял сознание.

Выждав ещё четверть часа, Шэнь Чи медленно вышел из-за занавески. Одной рукой он взял ещё не догоревшую свечу с алтаря, в другой сжимал кинжал. С холодным выражением лица он остановился там, где лежал Шэнь Ухо, и слегка пнул его ногой два раза. Убедившись, что тот не подаёт признаков жизни, он поставил свечу на относительно сухое место, достал огниво и зажёг её.

В свете пламени было видно, что глаза Шэнь Ухо крепко закрыты, лицо мертвенно-бледно, а из раны на плече ручьями течёт кровь, окрашивая каменный пол под ним в красный.

Шэнь Чи помнил, что в прошлой жизни многие культиваторы в своих пересудах называли Шэнь Ухо первым красавцем, но из-за того, что Шэнь Ухо всегда был суров и не улыбался, никто не осмеливался говорить ему об этом в лицо.

Сейчас Шэнь Ухо выглядел как пятнадцатилетний юноша. Черты его лица были ещё юношески нежны, но уже угадывались будущие мужественные и благородные очертания.

Впрочем, Шэнь Чи никогда не придавал большого значения внешности — иначе он бы в прошлой жизни не прожил до самой смерти в своём облике, внушавшем ужас и людям, и демонам.

Так что сейчас он обдумывал возможность, пока Шэнь Ухо без сознания, вонзить ему кинжал прямо в сердце. Он не забыл, что система говорила о том, что до завершения сюжета главного героя нельзя уничтожить.

Нельзя — то есть невозможно. Иными словами, каким бы способом он ни воспользовался, убить главного героя не выйдет.

Такая сюжетная установка... весьма интересна.

Подумав об этом, прежде чем система успела среагировать, Шэнь Чи молниеносно направил кинжал в незащитное сердце Шэнь Ухо!

Но в тот самый миг, когда лезвие уже готово было вонзиться в грудь Шэнь Ухо, вокруг него внезапно вспыхнул слой белого света, словно защитный барьер. Шэнь Чи услышал звон, и руку, сжимавшую кинжал, резко отбросило в сторону — сила удара была такова, что у него заныло основание большого пальца.

[Хозяин, вы в порядке?] — спросила система.

[Что это на нём?]

[Отвечаю хозяину: это причина, по которой главного героя нельзя уничтожить. Энергию на нём 013 называет Покровом Небесного Пути.]

Покров? Мысленно повторив это слово дважды, Шэнь Чи отступил на два шага, подобрал упавший кинжал, сел на сухое место под алтарём и стал ждать, когда закончится дождь.

Что до промокшего насквозь и всё ещё истекающего кровью Шэнь Ухо — пусть о нём заботится Покров Небесного Пути.

Система, очевидно, почувствовала, что Шэнь Чи не в духе, и после объяснений замолчала.

На следующее утро дождь и не думал прекращаться — казалось, он даже усилился.

Шэнь Чи приоткрыл дверь ветхого храма. Прикинув дни, он понял, что до церемонии набора учеников в школу Чэнцзянь осталось два месяца, а путь отсюда до школы займёт не меньше полутора месяцев. Времени, похоже, в обрез.

Подумав так, Шэнь Чи, однако, снова лениво опустился на пол у алтаря, устремив взгляд на Шэнь Ухо, пролежавшего на полу всю ночь.

Кровь из его раны уже перестала сочиться, но лицо приобрело синеватый оттенок. Если бы не едва заметно вздымающаяся грудь, его можно было бы принять за труп.

Только Шэнь Чи подумал об этом, как лежащий на полу человек медленно открыл глаза. Он смотрел на дырявую крышу, в глазах застыла растерянность. Спустя долгое мгновение его взгляд наконец остановился на Шэнь Чи.

— Малыш... Чи?

Это были первые слова, которые Шэнь Чи услышал от него. Голос Шэнь Ухо был чрезвычайно хриплым, но в нём ещё слышались юношеские нотки.

Кроме матери, это был первый раз, когда кто-то назвал его так. И этот человек только что был определён им во враги. Это заставило Шэнь Чи пристальнее взглянуть на Шэнь Ухо.

Когда Шэнь Чи посмотрел на него, только что приподнявшийся Шэнь Ухо, казалось, поскользнулся рукой и с глухим стуком снова рухнул на пол. Рана на левом плече, только переставшая кровоточить, открылась вновь, и воздух, и без того пропитанный запахом крови, стал ещё тяжелее.

Пока у него не появится возможность убить этого человека, Шэнь Чи не собирался портить с ним отношения. Он скользнул взглядом по спине того, кто, похоже, дрожал от боли, и спросил:

— Ты в порядке?

— Н-нет, ничего, — голос Шэнь Ухо тоже, казалось, дрожал. — Спасибо за заботу.

— Мм.

Услышав ответ Шэнь Ухо, Шэнь Чи равнодушно отозвался и замолчал. Поскольку Шэнь Ухо стоял к нему спиной, он не видел выражения его лица, впрочем, его это не слишком и волновало.

Прошло довольно много времени, прежде чем Шэнь Ухо наконец снова, опираясь на руки, сел. Выражение его лица было холодным — таким Шэнь Чи привык его видеть.

Казалось, с тех пор как Шэнь Чи себя помнил, каждый раз, когда он видел Шэнь Ухо, у того было именно такое лицо, будто ему ни до чего нет дела.

Шэнь Чи попытался вспомнить, каким он был до восьми лет и как ему следовало бы вести себя, видя Шэнь Ухо в таком виде, но воспоминания были слишком далёкими, к тому же они виделись так редко, что в памяти остались лишь образы их противостояния.

Спустя мгновение Шэнь Чи решил больше не забивать себе голову этим и просто перевёл взгляд на неподалёку лежащую, уже промокшую насквозь кучу соломы.

Почувствовав, что Шэнь Чи больше на него не смотрит, Шэнь Ухо наконец позволил своей всегда напряжённой спине расслабиться. Он переместился в место посуше, правой рукой, с трудом, растянул верхнюю одежду, настолько испачканную кровью, что уже нельзя было разобрать первоначального цвета, и отбросил её в сторону.

Теперь на Шэнь Ухо осталась только нижняя рубашка, которая, должно быть, когда-то была белой, но сейчас стала красной. Промокшая от дождя и крови, она прилипла к телу, чётко обрисовывая стройную, мускулистую фигуру юноши.

Тут Шэнь Ухо на мгновение замер, поднял взгляд в сторону Шэнь Чи и, убедившись, что тот не смотрит, стянул часть рубашки, обнажив рану на левом плече.

Было непонятно, каким оружием нанесли это ранение, но, похоже, из левого плеча Шэнь Ухо был буквально вырван целый кусок мяса. Из-за дождя, а потом и из-за того, что он всю ночь лежал в ветхом храме под капающей с крыши водой, и без того ужасная рана распухла и побелела, а кожа вокруг неё опухла и покраснела.

Кровь, которая уже должна была остановиться, из-за того, что Шэнь Ухо упал, снова начала сочиться наружу — зрелище было довольно жуткое.

Но Шэнь Ухо даже бровью не повёл. С бесстрастным лицом он оторвал от рукава нижней рубашки полоску ткани, зажал один её конец зубами и начал перевязывать себя. Однако, поскольку действовать мог только одной рукой, движения его выглядели крайне неловко и странно.

Видя это, Шэнь Чи одёрнул рукав и, изобразив на лице уместную долю беспокойства, спросил:

— Помочь?

Шэнь Ухо на мгновение застыл, а затем выдал ожидаемый Шэнь Чи отрицательный ответ:

— Не нужно.

Ни в прошлой, ни в этой жизни Шэнь Чи и Шэнь Ухо не были близки. Получив отказ, Шэнь Чи спокойно остался сидеть на месте, наблюдая за тем, как Шэнь Ухо возится сам.

Однако его немного озадачило одно: то обращение, которое Шэнь Ухо выпалил, когда очнулся. До того как клан Шэнь пал в прошлой жизни, они с Шэнь Ухо виделись всего несколько раз, а наедине — и вовсе никогда. Откуда тот знал это детское прозвище и почему произнёс его так естественно?

Если бы не последующее холодное отношение Шэнь Ухо, Шэнь Чи едва бы не поверил, что тот и вправду с ним близок.

После нехитрой перевязки кровь из раны Шэнь Ухо перестала течь, но из-за большой потери крови лицо его было очень бледным.

Шэнь Ухо никогда не был горазд на разговоры, а Шэнь Чи и вовсе предпочитал лишний раз помолчать. Словно они с самого начала заключили негласный уговор, они заняли противоположные углы в маленьком храме, держась как можно дальше друг от друга.

В сопровождении раскатов грома дождь, казалось, и не думал прекращаться. В этом небольшом пространстве на мгновение воцарилась невыразимая неловкость.

Впрочем, даже если бы не было перерождения, они с детства были бы как небо и земля: один — баловень судьбы, другой — отверженный побочный отпрыск. Им и говорить-то было не о чем.

Вскоре, однако, тишину первым нарушил Шэнь Ухо. Правой рукой он сворачивал свою верхнюю одежду, валявшуюся на полу, пытаясь выжать из неё воду, и спросил:

— Теперь из клана Шэнь остались только мы двое. Какие у тебя планы на будущее?

Неожиданно услышав этот вопрос, Шэнь Чи внутренне насторожился, но на лице изобразил недоумение. Он взглянул на Шэнь Ухо, заметил, что тот на него не смотрит, а с холодным видом возится с одеждой, словно задал вопрос между прочим.

— Мама хотела, чтобы я занялся культивацией, но старший старейшина в прошлый раз сказал, что у меня ледяной и огненный корни и я не смогу культивировать, — Шэнь Чи слегка опустил голову, голос его звучал несколько подавленно.

Это было не совсем притворство. В прошлой жизни, до того как впасть в демонизм, Шэнь Чи бесчисленное количество раз обращался в различные бессмертные секты, но те, ссылаясь на его корни, насмехались над ним и прогоняли прочь. В конце концов, у него не осталось выбора, и лишь по счастливой случайности он встал на путь демона.

— Не слушай его чушь, — медленно натягивая на себя наполовину отжатую одежду, сказал Шэнь Ухо. — Ты — дитя нашего клана Шэнь, как ты можешь не мочь культивировать? Раз уж мы встретились, значит, такова судьба. Отныне ты будешь следовать за мной.

— Правда? — Шэнь Чи поднял голову, в глазах его застыло волнение.

Раньше Шэнь Ухо не раз думал о том, что Шэнь Чи тоже мог переродиться, особенно после того, как узнал, что тот изуродовал лицо Шэнь И. Это чувство становилось всё сильнее. Но сейчас, увидев в глазах Шэнь Чи это невинное и взволнованное выражение, его прежние подозрения мгновенно рассеялись.

Хотя он не мог объяснить, откуда Шэнь Чи знает формации, но, если бы Шэнь Чи вернулся вместе с ним, он ни за что не стал бы смотреть на него такими глазами. В них должна была быть ненависть, отвращение.

Подумав о прошлой жизни, взгляд Шэнь Ухо потемнел.

Поймав взгляд Шэнь Ухо, Шэнь Чи заметил, что зрачки у того были очень чёрными, отчего взгляд казался необычайно глубоким. И хотя сейчас ему было всего пятнадцать, он выглядел гораздо более зрелым и основательным, чем его ровесник, Шэнь Ко, который лишь напускал на себя взрослый вид.

Если бы не то, что в прошлой жизни этот человек несколько раз обвёл его вокруг пальца, Шэнь Чи почти бы поверил тому, что он сейчас сказал.

Но, верил он или нет, на лице Шэнь Чи появилась улыбка, и он кивнул головой.

Сейчас Шэнь Чи выглядел как семи- или восьмилетний ребёнок, даже младше своих сверстников. Черты его лица были необычайно тонкими и изящными, а когда он улыбался, на щеке появлялась ямочка, что делало его очень милым. Любой, кто его видел, невольно улыбался в ответ.

Но Шэнь Ухо даже не изменился в лице. В его голосе слышалась даже некоторая холодность:

— Будешь звать меня, как Шэнь Ко и Шэнь И, — старшим братом.

«Всё-таки у него такой же характер», — подумал Шэнь Чи, а вслух послушно произнёс:

— Старший брат.

[Получена поддержка главного героя. Степень преодоления +5%. Текущая степень преодоления — 8%. Пожалуйста, продолжайте старания, хозяин.] — внезапно подала голос замолчавшая на ночь система.

Неожиданно возросшая так называемая степень преодоления показалась Шэнь Чи просто абсурдной, особенно учитывая, что он всё это время просто притворялся перед Шэнь Ухо, а тот, в свою очередь, тоже не был искренен.

Это невольно заставило его задуматься: а на основании чего, собственно, система определяет это значение?

Пока отложив разбирательства с системой, Шэнь Чи посмотрел на Шэнь Ухо:

— Когда старший брат вернулся в Жунцзинь?

— Три дня назад. Услышал, что клан Шэнь в беде, и поспешил обратно.

— А ты вернёшься в Западное государство Лань?

— Нет.

Поистине смешно. Из всей большой семьи Шэнь в живых остались только он и Шэнь Ухо — двое чужаков, не имеющих к клану никакого отношения.

И вот эти двое сейчас пытаются завязать отношения, прикрываясь именем клана Шэнь. До чего же нелепо.

Впрочем, восьмилетний Шэнь Чи не должен был этого знать, и он, естественно, не стал

говорить этого Шэнь Ухо.

— Ой! Здесь есть маленький храм!

Сквозь шум дождя внезапно донёлся звонкий девичий голос, разбивший неловкость, снова воцарившуюся между ними.

Мгновение спустя в поле зрения появилась яркая девушка в длинном платье цвета кармина. Едва ступив в маленький храм, она нахмурила свои ивовые брови, окинула эту ветхую лачугу презрительным взглядом своих прекрасных, словно подведённых, глаз и брезгливо скривила ярко-алые пухлые губы:

— Этот маленький храм — развалюха, да ещё и с двумя нищими внутри.

Когда Шэнь Чи прошлой ночью входил в храм, на нём была ещё довольно чистая одежда, но потом он немного постоял под водой за занавеской, а к тому же в храме было много пыли. За ночь он весь перепачкался. Он низко опустил голову, пряча в тени единственное чистое лицо, так что на первый взгляд действительно походил на маленького нищего. Что уж говорить о Шэнь Ухо, который провалялся на полу всю ночь, а теперь был ещё и мокрым насквозь?

С того места, где сидел Шэнь Чи, было видно, как Шэнь Ухо, полуопустив голову, прислонился к стене. Его бледные губы были плотно сжаты, мокрые распущенные волосы почти полностью скрывали лицо с резкими чертами. Рядом с ним натекла лужа от протекавшей крыши, и отдельные капли попадали на него, но он, казалось, этого не замечал.

Отведя взгляд от Шэнь Ухо, Шэнь Чи поднял голову и посмотрел на женщину, которая всё никак не переставала бранить этот храм. Он не мог определить, на какой стадии культивации она находится, но, судя по тому, что она могла ходить под дождём, не намочнув, её уровень был никак не ниже Стадии Основания.

Затем Шэнь Чи заметил на поясе женщины табличку с удостоверением личности. Хотя было темновато, его зрение позволило ему чётко разглядеть вырезанные на ней архаичные иероглифы — школа Чэнцзянь.

Когда Шэнь Чи смотрел на неё, она тоже смотрела на него. Разглядев его лицо, в её глазах мелькнуло удивление.

Когда она только вошла, то лишь мельком окинула взглядом помещение, к тому же Шэнь Чи сидел, опустив голову, и она приняла его за маленького нищего. Кто бы мог подумать, что у этого маленького нищего такая красивая внешность?

Она провела рукой по своему гладкому лицу, снова взглянула на Шэнь Чи, который снова опустил голову, словно она его совершенно не интересовала, дёрнула за красную ленту, обвязанную вокруг запястья, и в её глазах мелькнула злоба.

— Младшая сестра, не ходи так быстро! — в этот момент снаружи донесётся чистый, но с ноткой досады голос. — Может, отпустим этих лошадей? В такую погоду они идут слишком медленно.

В храм вошёл мужчина в белых одеждах, державший в каждой руке по поводу. С двух сторон его обступили лошади. Из-за ночного дождя земля размокла, и копыта лошадей оставляли глубокие следы в грязи, каждый раз вырываясь с брызгами. Но мужчина, привязав поводья и войдя внутрь, остался совершенно чистым — ни единого пятнышка.

— Когда прояснится, я собиралась скакать на них по долам и горам. Отпустим их — ты что, понесёшь меня на себе? — прерванная внезапным голосом женщина переключила внимание на вошедшего мужчину. Она метнула на него гневный взгляд, который, впрочем, был по своему очарователен.

Мужчина горько усмехнулся, но в его взгляде не было недовольства, скорее — нежность:

— Хорошо, хорошо, всё будет, как ты скажешь. — Успокоив женщину, он заметил в храме ещё двоих и поспешно сложил руки в приветствии: — Здравствуйте. Мы — странствующие культиваторы, проходим мимо. Неизвестно, когда закончится этот дождь, и мы хотели бы переждать его здесь. Как только он прекратится, мы сразу уйдём.

— Старший брат, зачем ты с ними разговариваешь? Они всего лишь два нищих, и это место не их. Я ещё и брезгую, что они грязные, — женщина в красном была недовольна такой вежливостью мужчины. Она с отвращением поморщилась, затем взяла его за руку и, кокетливо капризная, потянула: — Старший брат, выгони их! Мне от них неприятно.

Внезапно ощутив тепло её мягкой ладони, мужчина на мгновение отвлёкся, в его глазах мелькнуло замешательство, но он быстро взял себя в руки. Взглянув на двоих, которые, казалось, не обращали на их разговор никакого внимания, он тихо, но строго сказал женщине:

— Во всём есть свой порядок. Этот храм первыми заняли эти двое, а мы ворвались сюда, нарушив их покой — это наша вина. Твои капризы и сцены выставят нас на посмешище.

Казалось, не ожидая, что всегда любивший и во всём потакавший ей старший брат так накричит на неё, женщина мгновенно побледнела. Она топнула ногой от злости и воскликнула:

— Ты из-за каких-то двух нищих орёшь на меня! Я больше не желаю тебя знать!

С этими словами она злобно уставилась на Шэнь Чи, который как раз смотрел на неё, фыркнула, взмахнула рукой, призывая летающий меч, и в то же мгновение исчезла в дождевой завесе, превратившись в красную вспышку.

— Приношу свои извинения. Моя младшая сестра слишком своенравна. Когда вернёмся, я непременно хорошенько её воспитаю, — виновато обратился к ним мужчина, глядя вслед удаляющейся женщине.

— Не нужно, — ответил тот, кто молчал всё время с их появления — Шэнь Ухо. Он всё ещё сидел в той же позе, словно и не двигался, даже не поднял век. Но сейчас его и без того чёрные зрачки, скрытые в тени, казались особенно глубокими и мрачными.

Тут мужчина наконец внимательно всмотрелся в Шэнь Ухо. Увидев что-то, он вдруг радостно воскликнул:

— Я вижу, у тебя, брат, неплохие задатки! Как раз сейчас наша школа проводит набор учеников. Не хочешь ли отправиться вместе со мной? Я рекомендую тебя сразу на внутреннее отделение. — Сказав это, будто опасаясь, что ему не поверят, он снял с пояса жетон ученика. — Я — старший ученик внутреннего отделения тридцать седьмого поколения школы Чэнцзянь, моё даосское имя — Юнь Юй. Сейчас я в путешествии для совершенствования.

— Не нужно, — даже не взглянув на протянутый жетон, Шэнь Ухо снова отказался. Затем, заметив, что Шэнь Чи смотрит на него, он повернулся к нему: — Ты хочешь?

Юнь Юй, которому редко встречался обладатель легендарного чистого корня, не хотел так просто сдаваться. Он уже было разочаровался, услышав отказ Шэнь Ухо, но, увидев проблеск надежды, перевёл взгляд на Шэнь Чи. Разглядев его внешность, он снова удивился. Хотя на Шэнь Чи было много пыли, он вовсе не был похож на нищего.

«Младшая сестра, наверное, просто не разглядела как следует ребёнка», — подумал Юнь Юй.

Казалось, застигнутый врасплох неожиданным вопросом, Шэнь Чи захлопал глазами и спросил:

— А я тоже могу пойти?

В сюжете была такая сцена: главный герой попал в беду, встретил двух учеников школы Чэнцзянь, отправившихся на совершенствование, и благодаря выдающемуся корню был взят в школу, став личным учеником одного из старейшин. Но тогда это происходило без него.

— М-можно... я проверю твой корень. Если он подойдёт, то сможешь, — глядя в ясные чёрно-белые глаза Шэнь Чи, Юнь Юй едва не выпалил утвердительный ответ.

[Хозяин, до завершения трансформации вашего духовного тела осталось...]

[Впредь не вмешивайся, пока я тебя не спрошу.]

[А как же отчёт о степени преодоления...]

[Спрошу, когда захочу узнать.]

[Слушаюсь, хозяин.]

Прервав сообщение системы, Шэнь Чи по знаку Юнь Юя протянул правую руку.

Маленькая ладошка была немного грязной, но Юнь Юй не побрезговал. Он осторожно взял Шэнь Чи за руку, провёл по его ладони несколько раз, и тут же из неё начал исходить видимый глазу серебристый свет. Однако радостное выражение на лице Юнь Юя, не успев проявиться полностью, вдруг застыло.

Шэнь Чи сжал отпущенную ладонь и спросил у Юнь Юя:

— Всё не так, да?

На лице Юнь Юя отразилось замешательство. На самом деле, даже если бы у Шэнь Чи оказалось три или даже четыре корня, если бы он мог культивировать, Юнь Юй имел бы право взять его с собой. Но у того оказался ледяной и огненный корни, считающиеся абсолютно непригодными для культивации испокон веков.

<http://bllate.org/book/19444/1906332>